

Лев

Рубинштейн

Словарный

запас

CAIOru
INSTITUTE

НОВОЕ издательство

Лев Семенович Рубинштейн

Словарный запас

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=287762
Словарный запас: Новое издательство; М.:; 2008
ISBN 978-5-98379-112-1

Аннотация

Книга «Словарный запас» представляет своего рода словарь современной политической культуры, в котором статьи поэта и эссеиста Льва Рубинштейна иллюстрируют ключевые понятия общественной жизни сегодняшней России.

Содержание

Азбучные истины	4
[Аполитичность] Ни слова о политике	6
[Большинство] Большинство подождет	8
[Выборы] Отдать голос?	10
[Герои] Знакомый до слез	12
[Девяностые] Обретение сапога	14
[Доверие] При чем здесь чукча	15
[Дружба народов] Лучше иметь дружбу всегда	17
[Запад] Комплексные обиды	19
[Идентичность] Ты кто?	21
[Интеллигенция] Интеллигентные подтяжки	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Лев Семенович Рубинштейн

Словарный запас

Азбучные истины От редакторов

– Ах, какое красивое это новое платье короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своем месте. Ни одно платье короля не вызывало еще таких восторгов.

– Да ведь он голый! – закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

– Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! – сказал его отец, и все стали шепотом передавать друг другу слова ребенка.

– Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он совсем не одет! – закричал наконец весь народ.

Эти строки Андерсена могли бы стать эпиграфом к настоящей книге, объединившей эссе Льва Рубинштейна, которые публиковались им в последние годы на сайте Грани. Ру. Мы расположили эти тексты не в хронологическом порядке, который читатель легко восстановит с помощью собственной памяти или Интернета, а в виде своеобразного словаря современной политической культуры, толкующего ключевые понятия сегодняшней общественной жизни (вынесенные нами в дополнительные «надзаголовки»). Но дело не только в том, что статьи Рубинштейна посвящены самым разным событиям и темам, близки по объему и отстоят друг от друга на более-менее схожие промежутки времени, образуя тем самым объемную картинку эпохи. Сама природа этих текстов связана со словарной формой, предполагающей разговор «без кавычек», разговор, в котором вещи называются своими именами.

Предъявленная в этих эссе авторская стратегия, на первый взгляд, разительно отличается от того, что Рубинштейн делал в своих поэтических текстах, давно ставших классикой русской словесности. Воспроизводящая или имитирующая обрывки разговоров, речевые и интонационные клише, в советскую эпоху поэтическая речь Рубинштейна решительно избегала прямого высказывания, обсуждения «текущего момента» и была предельно далека от публицистического пафоса. В новейшее время уже сам Рубинштейн стал публицистом, говорящим о само собой разумеющихся, казалось бы, вещах: человек важнее государства, насилие не имеет оправданий, истинный патриотизм не бывает показным...

Но это мнимая метаморфоза. Изменился не Рубинштейн – изменилась эпоха, и в новых исторических обстоятельствах автор находит другой способ разговора, который опять ставит его в привычные условия сопротивления материалу – общим местам языка и общественного сознания. В позднесоветские годы таким способом была речь, в которой не находилось места для авторского «Я»: возможность прямого высказывания была скомпромитирована разлитой в воздухе фальшью лозунгов и передовиц. Сегодня, когда лозунги сменились всеобщим безразличием и апатией, иронией и отстранением, – это существующая где-то между мемуарным очерком, письмом к другу и тостом литература прямого высказывания, ставшего вдруг дефицитом, это синтаксис без извинительных вводных слов, пунктуация без скобок с оговорками, лексика без уже упоминавшихся кавычек. Напоминание об азбучных истинах, генеалогия которого восходит к андерсеновской сказке о платье короля. У Андерсена произнести вслух простые и честные слова решился только маленький мальчик. Сегодня в схо-

жей ситуации их произносит взрослый человек, к тому же – замечательный писатель. Нам остается его услышать.

[Аполитичность] Ни слова о политике

Именно так было начертано на самодельном плакате, в течение нескольких лет провисевшем на стене в мастерской моего друга, художника. Это было в 70-е годы. Друг мой не то чтобы особенно боялся. То есть, разумеется, чуть-чуть не без этого: человек он был общительный, и в мастерской его постоянно ошивалась всякая публика, иногда совершенно случайная. Но главное было в другом: политика и разговоры о ней казались ему невыносимо скучными и никчемными.

Надо ли говорить о том, что его призыв если и достигал какой-либо цели, то скорее обратной. И дело не только в том, что любой разговор рано или поздно обязательно сворачивал на что-нибудь «этакое». Дело, главным образом, было в том, что манифестируемая моим товарищем аполитичность как раз и была самой что ни есть политикой. В те времена, когда каждая, казалось, молекула несла в себе мощный идеологический заряд, любой человеческий жест воспринимался как жест либо «за», либо «против». А слово «аполитичный» было чуть смягченным синонимом слова «антисоветский». Фраза «аполитично рассуждаете, гражданин» звучала довольно-таки зловеще. Знакомый рассказывал, как однажды его вызвали в школу, где училась его дочь. Завуч среди прочего говорила: «Понимаете, не знаю даже, как сказать поточнее. Но вот у вашей Кати выражение лица часто бывает какое-то несоветское». Сегодня объяснить, что значит «несоветское выражение лица», практически невозможно. А тогда это было очень даже понятно.

Но мы политикой не интересовались, и это было сознательной позицией. Именно аполитичность и была пусть и пассивным, но сопротивлением. Это четко осознавали мы, и это четко осознавали «они», видя наши «несоветские выражения лиц».

Впрочем, все это было давно. А теперь, как известно, – другие времена. Совсем другие, уже хотя бы потому, что упомянутая мною ситуация с аполитичностью советских лет развернулась буквально на 180 градусов. «Ни слова о политике» – это главный лозунг теперешней государственной идеологии. А другого – нет и быть не может. Ибо нынешняя власть испытывает огромный, зияющий дефицит идеологии. То есть похоже на то, что у нынешней власти никакой идеологии нет вообще, а потому ее риторика являет собою малосъедобную кашу из взаимоисключающих компонентов – от ультралиберальных и рыночных до державно-имперских. Поэтому именно аполитичность – это нынешний мейнстрим, сознательно и целенаправленно поощряемый и культивируемый кремлевским агитпропом. Аполитичность – это, если угодно, и есть сегодняшний конформизм.

В далекие советские времена высказывание Бертольта Брехта о том, что «для искусства беспартийность означает принадлежность к господствующей партии», казалось мне верхом упертости и нелепости. Сегодня эта фраза звучит совсем по-другому. Нормально звучит. Во всяком случае, есть о чем подумать.

Да, я продолжаю полагать, что политика неинтересна, тупа и безрадостна. Особенно в периоды «стабильности», когда она является нам в виде таких искрометных телезрелищ, как задушевные беседы главы государства с выпускниками военных академий. Но получается, что официальная, гламурная, лоснящаяся аполитичность еще тупее и куда позорнее.

Всегда были люди, – есть они и теперь, – умевшие читать партийные газеты между строк. Умевшие с большой степенью вероятности предсказывать новые назначения или изгнания по тому, кто с кем рядом стоял на Мавзоле или в каком порядке перечислялись имена тех, кто «встречали высокого гостя». Мой приятель, политический журналист с довольно сильным филологическим бэкграундом уверял, что драматургия кивков, шепотков и переглядываний в «коридорах власти» не менее захватывающая, чем Шекспир или Достоевский.

Не знаю, все может быть. Но я этим языком не владею, и мне он неинтересен.

Но бывает так, что ты вдруг зачем-то понадобишься политике, и она начинает говорить с тобой на твоём языке. Обычно это бывает раз в четыре года, когда тебя начинают кормить демьяновой ухой, когда назойливо зовут к столу, покрытому аккуратной скатеркой. Когда тебе вручают какую-то бумажку и показывают, в какую щелку её совать. Ну вот, говорят тебе, спасибо за внимание. Извините, говорят, что побеспокоили. Завтра, говорят, у нас новая жизнь. «А у нас?» – тревожно интересуешься ты. Но тебя уже не слушают. Все, все, проходи, мешаешь, иди домой – мы там тебе сатиру-юмор-мультки включили. Будет надо – позовем.

А иногда политика начинает так заниматься лично тобой, что ты вскакиваешь и несешься к радиоприемнику, или ныряешь с головой в мутную зыбь Интернета, или – пуще того – выбегаешь на улицу, размахивая лоскутом мануфактуры соответствующего случаю размера и расцветки во вкусу и сезону.

Политикой я не интересуюсь. Но что считать политикой? Если политика – это когда участковый рвется в твою квартиру с целью «проверки паспортного режима», то не интересоваться этим довольно затруднительно. Если политика – это захват заложников, взрывы домов, бомбардировки городов и зачистки сел, то не замечать это – есть безусловный признак социального аутизма.

А если политика – это отчетный доклад генерального секретаря на очередном съезде, то нормальный человек хотя бы из чувства умственной гигиены плотно закроет глаза и уши. И если политика – это совокупность и взаимодействие разного рода шкурных интересов разного рода лиц, называемых «политиками», то вот это – уж извините – к нормальному человеку отношения иметь не может.

Впрочем, не только слово «политика» требует разъяснений. Что подразумевается под понятием «нормальный человек», тоже не вполне понятно. Всегда хочется думать, что это ты и такие, как ты. Такое определение в силу предельной субъективности довольно зыбко. Но другого-то все равно нет.

[Большинство] Большинство подождет

Нашел среди своих старых записей пару абзацев, заготовленных уж не помню для какого случая. Так получается, что именно для этого случая. Фрагмент не датирован, но по его тональности можно примерно определить, что написан он года четыре тому назад. Вот он.

Что-то стало происходить в последнее время. Какие-то стали намечаться тонкие, но заметные трещинки на поверхности того общественного организма, которое принято называть «культурным сообществом». Либеральные ценности лишь в последние годы стали кое-как утверждаться в несбалансированном общественном сознании. С одной стороны, власть по традиции пытается все держать под своей опекой и под своим контролем. С другой стороны – невиданная свобода. Свобода немислима без чувства ответственности. А с этим-то как раз большие проблемы. Когда часть интеллектуального сообщества стала воспринимать идеи либерализма как что-то скучное, рутинное, лишенное креативной энергии – это знак того, что либерализм все-таки усвоен или что он хотя бы пустил корни. Но корни эти, мягко говоря, недостаточно глубоки для того, чтобы игры «одаренных натур» то в умозрительную фашизоидность, то в стилизованную ностальгию по «великой державе» воспринимались как вполне невинные. Но что же делать, если у нас действительно «особый путь»? И действительно любые идеи, в том числе и художественные, обладают удивительной способностью мутировать в идеологию.

Надо же! – подумал я. – Это же совсем недавно. Какие же это, оказывается, были еще идиллические времена. Еще и понятие «культурное сообщество» существовало тогда. И само «сообщество» не стало еще анахронизмом. И слово «свобода» писалось и произносилось тогда еще без кавычек. И многочисленные участники разговора еще спорили, а не ругались. А если и ругались, то все равно на взаимопонятном языке. И, даже ругаясь, исходили из некоторого набора общих для всех аксиом.

Теперь упомянутые мною «тонкие, но заметные трещинки» незаметно для глаза превратились в зияющие расщелины. Недавние собеседники и оппоненты превратились в «идеологических противников». А остервенение, одичание, особачивание полемического дискурса стало рутинной нормой. И не какие-нибудь альтернативно одаренные селигерские тинейджеры, а люди, вроде бы образованные и искушенные, совсем перестали стесняться и легко обходятся без стыдливых кавычек, употребляя такие выражения, как «пятая колонна», «враги государства», «малый народ» или «интересно, сколько тебе заплатили за...».

Не только перестали стесняться, но и наполнились сладострастной горделивостью от полного своего отождествления с властью. Подобно маленьким шпанятам моего детства, льнущим к пацанам постарше, особенно к тем, у кого перо в кармане, а также «кепка набок и зуб золотой», им хочется прислониться к силе. Некоторые из них окончательно поплыли рассудком после того, как им дали потрогать бицепсы у одного дзюдоиста.

Они стали говорить «мы». Ну что же. Когда я слышу что-нибудь вроде «наших стратегических интересов», «наших военных достижений», «наших цен на наши энергоресурсы» или «нашего симметричного ответа зарвавшимся ат-лантистам», мне хочется спросить: «Так это все вы, ребята? Это вы, оказывается, поубивали столько народу в своей собственной стране? Это вы обнимались с Риббентропом? Это вы переселяли целые народы с места на место? Это вы, что ли, раздавили танками Пражскую весну? А тысячи мальчиков были отправлены на верную погибель в Афган и Чечню тоже вами? Это вы все эти годы только и делали, что ввали, подличали и хапали все, что плохо лежит. Что хорошо лежит – тоже

хапали. Все это вы?» Ответ знаю. Это не вы, разумеется, – как можно. А вы, видимо, это те, кто победил в самой страшной войне, кто вывел на околоземную орбиту Белку со Стрелкой и кто написал «Ленинградскую симфонию» и «Доктора Живаго». Ни то ни другое – не вы. Так что не надо «мыкать».

А еще немислимая для интеллектуала апелляция к большинству. С каких это пор, господа, статистическое большинство стало в вашем представлении «народом», а критически мыслящее меньшинство – едва ли не врагом этого самого «народа»? «У нынешней власти поддержка большинства населения», – говорят они. Ну и аргумент, скажу я вам. Ну и что, что поддержка большинства? У любой власти поддержка большинства. На то она и власть. На то оно и большинство. А то, что у «власти козлиной козлят миллионы», я знаю давно, с ранней юности. Столь же давно я знаю горькую и беспощадную чеховскую цитату о том, что «дело не в пессимизме и не в оптимизме, а в том, что у девяноста девяти из ста нет ума». Так было во все времена и во всех, кстати, странах и континентах.

И вот еще касательно «большинства». Некоторые восточные сказки заканчиваются неким элегантным эвфемизмом. Герой такой сказки после того, как он победил всех многочисленных врагов и преодолел все препятствия, «жил долго и счастливо, пока не присоединился к большинству».

Не знаю, кто как, но я присоединиться к большинству не спешу. Ни в том, ни в каком другом смысле. Чего и вам желаю.

[Выборы] Отдать голос?

Неправильно полагать весь советский период стилистически однородным. Нет, многое менялось, причем существенно. Стилистически видоизменялись официальная риторика, символика, иконография.

Не менялась лишь – во всяком случае, по моим ощущениям – стилистика избирательных кампаний. Не менялась десятилетиями. Похоже, что агитпропу недосуг было уделять внимание такому ничтожному предмету, как выборы, постепенно ставшие рудиментарным отростком советского бытия, бледным ритуалом, изначальная абсурдность которого с годами становилась все очевиднее и нагляднее. Одни и те же плакаты, где представители всех слоев новой общности советских людей – мускулистый блондин в синем комбинезоне (рабочий класс), румяная обветренная молодуха (колхозное крестьянство), дядька в двубортном костюме, в очках и при галстук (трудовая интеллигенция) – в едином патриотическом порыве голосуют за нерушимый блок коммунистов и беспартийных. Один и тот же мутноватый портрет насупленного мужчины – кандидата в депутаты в местные или не местные Советы. А под типовым портретом – типовая биография представителя славной рабочей династии: «Совсем еще зеленым пареньком придя на родной завод... Зорко охраняя рубежи нашей Родины... Пройдя нелегкий путь от простого слесаря до сменного мастера...» Десятилетиями не менялось оформление агитпункта. Над его дверями всегда висел выцветший кумачовый прямоугольник с надписью «Избирательный участок номер такой-то», украшенный по периметру электрическими лампочками. Что-то елочное было в этих лампочках, что-то трогательно старомодное – видимо, привет из далеких 20-х годов, когда до электрификации всей страны было еще дальше, чем до коммунизма, а вот на электрификацию отдельно взятого избирательного участка в отдельно взятом сельском клубе лампочек кое-как хватало.

По поводу советской избирательной системы существовало множество шуток. Ну, не в сталинские, конечно, годы – там, пожалуй, пошутить. А вот при Хрущеве, помню, такой был, например, анекдот. Сотворив из Адамова ребра Еву, Бог ставит ее перед Адамом и говорит: «Ну вот, Адам, выбирай себе жену». Так шутили над однопартийной системой. А еще было малоприличное двустипийе «Голосуй, не голосуй. Все равно получишь понятно что». Кстати, этот бодрый слоган отличным образом дожил до сегодняшних дней, ничуть не утратив своего вечнозеленого очарования.

Голосовать, впрочем, исправно ходили. Вставали в воскресенье с утра пораньше, наряжались, шли семьями в ближайшую школу, где и размещался избирательный участок, деловито исполняли гражданский долг и степенно разбредались кто куда под оглушительные звуки «Марша энтузиастов».

В детстве я это дело просто обожал, как, впрочем, и большинство детей. Еще бы – много красного цвета, музыка из громкоговорителя, концерт школьной самодеятельности, буфет с лимонадом и кремовыми пирожными, книжная лавка, где однажды мне был куплен «Том Сойер». А самое главное – мне было доверено всунуть сложенную вдвое бумажку в драпированный кумачом фанерный ящик. Ящик назывался урной. Это уже гораздо позже мое воображение стала занимать неясная, но глубинная метафизическая связь между всеми тремя функциональными значениями слова «урна». Это уже позже я стал задумываться над фатальным смыслом идиомы «отдать свой голос»: как это взять да отдать, а без голоса-то как же? А тогда, в детстве, была лишь чистая радость от прикосновения к торжественному и значительному взрослому миру.

Пытаюсь вспомнить, сколько раз я участвовал в выборах в качестве сознательного гражданина. В послесоветских – раза три, тогда же, когда и все. Однажды, как и всем, при-

шло «голосовать сердцем». Когда же пришло время голосовать головой, я с этим делом как-то завязал.

А в советские годы – помню точно – я голосовал ровно один раз, когда мне исполнилось восемнадцать. С того раза я прекратил эти игры по вполне идейным соображениям, доводя до слез мою бедную, битую жизнью маму. Мамина тревога была не вполне напрасной: в те годы любой жест понимался только как жест «за» или жест «против». Неучастие воспринималось как форма нелояльности. Это не то что теперь, когда твое участие или неучастие в этом всенародном торжестве «суверенной демократии» ровным счетом никого не колышет. В этом, собственно, и есть разница между тоталитарным режимом, требующим безусловного соучастия всех во всех заводимых властью ритуальных песнях-плясках, и режимом авторитарным, где ты просто ни на хрен никому не нужен. Ну, не придешь ты на выборы! Так оно, может, и к лучшему – только зря натопчешь. А если не только ты не придешь? А если многие не придут, то что тогда? А ничего, ты не беспокойся – на этот случай уже и закончик заготовлен. Так что как хочешь – у нас все же демократия, не забывай. У нас, если ты забыл, имеет место «разделение властей». Нет, говоришь, никакого разделения? Да как же это нет, когда все буквально ветви безусловно *разделяют* все явные и тайные мысли и чаяния ствола. Так что вот.

Так что с выборами, с нормальными человеческими выборами как-то все не складывается у нас. Зато у каждого из нас есть выбор – личный, персональный, индивидуальный. Впрочем, он был всегда.

[Герои] Знакомый до слез

Вообще-то я телевизор не смотрю. А вот в воскресенье вечером зачем-то включил. И, прямо как в доброй сказке, был немедленно же вознагражден за свою решительность удивительным сюжетом. Первый канал показывал и рассказывал про то, как наш президент посетил город своей мятежной молодости – город Дрезден.

Главное в сюжете – интонация. Теплая, задушевная, ничуть не бравурная, можно сказать пастельная. С «живинкой и человечинкой». «Владимир Путин гулял по Дрездену, заходил в пивные, разговаривал с местными жителями на их языке – в общем, вел себя так, как ведут себя в одном случае – в том редком случае, когда возвращаются в свою молодость», – не без лирической «грустинки» начал автор сюжета. «Как в стихотворении: „Я вернулся в свой город, знакомый до слез...“» – продолжил он вкрадчиво. Я, признаться, вздрогнул, вообразив себе, что почувствовал бы Мандельштам, если бы ему дано было знать заранее, насколько издевательски-безжалостными могут оказаться извивы истории, когда его строки и его судьба с невыносимой легкостью смогут подверстываться к чему и к кому угодно, в том числе к усердным ученикам и наследникам убившей его системы. Впрочем, дальше я вздрагивать перестал, ибо следующим, что я услышал, было: «Это тоже старая русская традиция: юность в Германии». Так, понятно: «с душою прямо Геттингенской», Ленский, Веневитинов, Любомудры, КГБ, Штази – нормально. Обаятельно для тех, кто понимает.

После Мандельштама и «юности в Германии» не мог не последовать Достоевский: «Между двумя протокольными встречами дрезденец из Питера нашел время, чтобы открыть памятник известному на весь мир земляку, который город на Эльбе знал не хуже, чем город на Неве. Писатель бежал сюда от долгов, а нашел вдохновение. Наброски к роману „Бесы“ были написаны в Саксонии, здесь же у Федора и Анны Достоевских родилась дочь. Валерия Шелике из Немецко-российского института культуры давно заметила, что у Дрездена Достоевского и Дрездена Путина часто пересекаются адреса». Понятно? У автора «Бесов» и у мелкого шпиона бесовского государства «пересекаются адреса». В общем-то тоже нормально. Автор сюжета, насильственно привлекая на свою сторону и на сторону своего героя имена и реалии отечественной и мировой культуры, преследовал одну цель: встроить образ героя в почтенный культурно-исторический контекст. Ряд получился ничего себе – вполне репрезентативный: Достоевский, Мандельштам, Путин. «Гомер, Мильтон, Паниковский».

Культурка культуркой, а душевность душевностью, но портрет не может быть полным без героической составляющей. Президент все-таки, а не какой-нибудь Достоевский.

И вот мы узнаем новые, леденящие душу фрагменты славной президентской биографии:

Когда в 89-м толпа в соседнем квартале громила здание Штази, министерства госбезопасности бывшей ГДР, другая колонна шла сюда. В Штази был страшный погром, люди переворачивали сейфы, жгли досье и фотографии, все искали папки с осведомителями. Решили, что надо идти к русским, брать их архив.

Толпа окружила здание, и кто-то позвонил в дверь флигеля. Вот она, ее с тех пор и не красили. Но ни в дом, ни даже во двор никто не вошел. На пути демонстрантов вдруг появился светловолосый сотрудник с пистолетом в руках. Он спокойно оглядел толпу, поздоровался и на хорошем немецком сказал – это советская территория, и вы стоите на нашей границе. И я говорю серьезно – я буду стрелять в ее нарушителей.

Фолькер Гец, свидетель штурма: «Он так спокойно и уверенно это сказал, что люди постояли, покричали, а потом стали расходиться. Все ожидали стрельбы, драки, но только не этого. Потом мы узнали, что этот сотрудник стал вашим президентом».

После Достоевского с Мандельштамом никого не удивило бы в этом эпизоде сравнение Путина с Грибоедовым. Но нет – там закончилось все не так удачно. А тут? Страшно и подумать, что было бы, если бы... Нет, не стану продолжать. Скажу только, что Провидение в этот раз оказалось милостивым к россиянам.

Этот милый телесюжет – далеко не первый в набирающей обороты агиографической деятельности кремлевско-останкинских сказителей. Может быть, дело в том, что я слишком редко смотрю телевизор, но именно эта штука мне показалась действительно посильнее, чем «Фауст» Гете.

И что с того, что сюжетец выглядит довольно топорным и неуклюжим? Это дело наживное – дайте, как говорится, срок. Жанр ведь только встает на ноги. Есть главное: честность и искренность. Главное то, что в абсолютном бескорыстии и чистоте помыслов авторов этого небольшого шедевра сможет усомниться лишь самый неисправимый скептик.

[Девяностые] Обретение сапога

Известно, что и века, и десятилетия далеко не всегда совпадают с показаниями календарей. 60-е годы, например, начались раньше, а именно в 1956 году. А 70-е закончились позже, то есть в середине 80-х. 90-е годы начались почти вовремя, опоздав всего лишь на полгода. Они начались ровно пятнадцать лет тому назад, в двадцатых числах августа 1991 года. Именно в те дни началось бурное и двусмысленное десятилетие, то или иное отношение к которому стало идейным водоразделом последних лет.

У каждого свои 90-е. И у каждого свое 19 августа. И каждому, кого счастливым образом миновала эпидемия коллективного беспамьяства, есть что вспомнить. А кто ничего не помнит, тому, стало быть, и не надо.

Интересно, что через неделю-другую после событий многие из тех, чьи воодушевленные и удивительно похорошевшие лица я видел вокруг себя в те дни, стали как-то стесняться собственного воодушевления, стали шутить и ерничать, энергично стряхивая градусы патетики и экзальтации. И это, видимо, правильно.

И начались 90-е годы с их надеждами и отчаяниями, с мусором на улицах и погасшими фонарями, с малиновыми пиджаками и обманутыми вкладчиками, с «мерседесами» и бабушками, торговавшими сигаретами возле станций метро, с ларьками и киосками, где на ценниках значились четырехзначные числа, казавшиеся не ценами на пиво и сигареты, а датами исторических событий.

Это было очень артистическое, можно даже сказать, театральное десятилетие. Именно в те годы в культурном и медийном пространстве сформировалась свободная, ироничная, непочтительная интонация, в новые времена признанная вредным анахронизмом. Именно в те годы я услышал анекдот, поразивший меня своим неизбежным, чисто национальным оптимизмом. Идет по улице человек в одном сапоге. Встречает знакомого. «Ты что, сапог потерял?» – спрашивает знакомый. «Почему потерял? Нашел!» Это анекдот про 90-е годы. Более или менее все тогда ходили в одном сапоге. Но ощущение пропажи сапога или же его обретения целиком и полностью зависело от индивидуальной или групповой социально-психологической установки. Я вот уверен и по сей день, что я свой сапог не потерял, а нашел.

Нет, я вовсе не склонен идеализировать это странное десятилетие – много было в те годы мелких и крупных пакостей. Но я его люблю. Да уже хотя бы за то, что в самом его начале, то есть в те августовские дни, сбылась утопия, о которой ни в какой фантастике не приходилось читать и которую ни в каких снах не приходилось видеть: прямо на моих глазах, буквально в двух шагах от меня с сухим треском развалилась тупая и мрачная империя, накрылась медным тазом незыблемая и постылая советская власть. И ее уже не будет. Говорят, что может быть, да и уже есть, нечто другое, еще, может, и похуже. Нет, хуже не будет ничего – уверен.

Несколько лет тому назад, на волне ползучего чекистского реванша, ставшего в наши дни чем-то вроде респектабельного идейного мейнстрима, всерьез обсуждался вопрос о восстановлении памятника Железному Феликсу, зрелищный демонтаж которого стал в те августовские дни апофеозом революции. Если бы меня спросили, я бы ответил, что я, пожалуй, не против восстановления монумента. Но с одним непременным условием. Пусть себе стоит на своем привычном месте чугунный Феликс Эдмундович, олицетворяя собою властную вертикаль, возводимую его верными учениками. Но только пусть при этом на шее козлобородого истукана болтается веревка, а на голове его восседает счастливый московский пацан из тех незабываемых фотокадров и из тех позорно забываемых дней.

[Доверие] При чем здесь чукча

«А нет ли каких-нибудь новых анекдотов из Союза?» – с чуть-чуть нерусским синтаксисом и с некоторым интонационным акцентом спросил меня мой друг, эмигрировавший в Америку в середине 70-х годов. А разговор наш происходил в начале 90-х в городе Нью-Йорке, куда я попал впервые. Я рассказал ему какой-то первый же вспомнившийся мне анекдот про чукчу – кажется, про то, что чукча не читатель, а писатель. Поскольку приятель мой был как раз писатель, мне показалось, что ему это будет забавно. Но ему не было забавно. Он печально сказал: «Да, как была Россия расистской страной, так и осталась». Тут пришла очередь взгрустнуть и мне. Во что, подумал я, превратила веселого и насмешливого человека суровая и стерильная политкорректная реальность. «Ты в общем-то прав, – сказал я, – Россия действительно довольно-таки сильно заражена бытовым расизмом. Но вот только анекдоты про чукчу здесь совершенно ни при чем».

Действительно, чукча здесь ни при чем, как, впрочем, ни при чем и разные прочие персонажи особого этнографически окрашенного фольклора, присущего всем постимперским народам. В мае этого года я побывал в Тбилиси, где рассказывал своим новым грузинским знакомым о том, что в советские годы в России существовал такой фольклорный, анекдотический «грузин» – богатый, щедрый, любящий пустить пыль в глаза, говоривший со смешным акцентом и к реальному грузину едва ли имевший особое отношение. Одним словом, «палто нэ надо». «О да, – сказала одна дама, – я хорошо помню эти анекдоты. Эти ваши „грузины“ носили кепки-аэродромы, какие обычно носят наши тбилисские евреи, и разговаривали с азербайджанским почему-то акцентом».

Этот комический грузин тоже ни при чем. И ни при чем медлительный, туповатый и основательный «эстонец». И ни при чем «еврей», «украинец» и все прочие.

Да что там Россия. Во Франции вот, например, рассказывают анекдоты про «бельгийцев». Недавно в Париже мне рассказали такой, довольно, надо сказать, черноватый анекдот: «Вопрос: что такое „скелет в шкафу“? Ответ: это бельгийский мальчик, который играл в прятки. И выиграл».

А это при чем? А это к чему имеет отношение? К шовинизму, к бельгиефобии? Чушь, разумеется. Ни к какому расизму, ни к какой ксенофобии и никаким прочим формам членовенавистничества не может иметь никакого отношения все то, что остроумно и весело...

Я помню, как однажды, в конце 90-х годов, я чуть не сорвал выпуск издания, в котором тогда работал. Я этого не хотел, это получилось случайно. Просто я пришел к коллегам из отдела политики, где горячо обсуждался какой-то материал про чеченские события, и сказал, что мне пришли в голову неплохие имена для трех полевых командиров: Ушат Помоев, Букет Левкоев и Рулон Обоев. Дня на три работа застопорилась. Из разных углов редакции раздавались спонтанные взрывы. Из одного угла слышалось: «Камаз Отходов» (взрыв). Из другого – «Рекорд Надоев» (опять взрыв). Из третьего – «Парад Уродов» (залп в сорок три орудия). Из четвертого – «Билет Догаваев» (девять баллов по шкале Рихтера). Потом эти чудесные имена-фамилии долго шлялись по Интернету, лавинообразно обрастая все новыми образцами стихийного имятворчества.

Летом следующего года я поехал в Эстонию, где развлекался в том числе и тем, что от нечего делать придумывал эстонские фамилии, а также географические названия. Эта тема оказалась не менее заразной, чем «чеченская». Жаль, поленился я записать свои вещи откровения, а потому многое забыл. Помню лишь промышленный город Вырву-Кохти. А также запомнилось мне как бы начало как бы главы из как бы учебника: «Эстонский советский писатель, лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического

Труда Порно Сайт родился в 1919 году в рыболовецком поселке Трахну-Выдру в северной Эстонии, где и провел свои детские годы».

Ну вот. А это что? Ксенофобия? Великодержавный шовинизм? Ответ на этот вопрос у меня есть: мои эстонские друзья, когда я делился с ними своими ономастическими изысканиями, очень радовались и просили еще. А другого ответа нет и быть не может.

Войны и геноциды затевают вовсе не те, кто придумывают и рассказывают смешной анекдот про соседа. И тем более не те, кто обладают счастливым умением смеяться над самими собой. Войны затевают те, кому чудится, что сосед собрался отравить его корову или положил глаз на его жену.

А чукча тут ни при чем.

[Дружба народов] Лучше иметь дружбу всегда

Любовь. Вот и президент заговорил о ней. И правильно, пора уже. В последнее время общественно-государственная мысль все время вертелась где-то рядом: то впечатлительные ветеранки в свойственной им манере взялись за окончательное решение вопроса однополой любви, то здравоохранительные инстанции проявили серьезную озабоченность в связи с любовью некоторых неразборчивых граждан к недружественным минеральным водам. Так или иначе, но любовь, как ей это и положено, продолжала править миром помимо регулирующих механизмов родного государства, что, согласитесь, есть непорядок. Теперь с легкой руки президента любовь становится категорией государственной, политической. Ну и хорошо. И хватит уже. А то все сами да сами. Пусть и государство попотеет на этой сладкой и мучительной ниве.

С любовью – можно сказать, с облегчением – разобрались. Но еще осталась дружба. С дружбой, впрочем, в свое время основательно поработало другое государство – советское. Была, была дружба в советские годы, цвела она пышным цветом и щедро подкармливалась родным государством. И называлась она «дружбой народов».

Эх, закадычная ты наша Дружба народов, законная дочь сурового Пролетарского интернационализма и Борьбы за мир во всем мире.

Когда-то Дружба народов была не только одним из козырей в агитпроповской колоде, но и вполне непыльной профессией. Не забыты еще ни «Дома дружбы», ни «Общества дружбы», где за столами президиумов сидели тетки с космонавтским прошлым и все время что-то говорили, причем совершенно небесплатно.

Про дружбу между народами сочинялось множество стихов и песен. «Дружба всего дороже, – пела нам всякий божий день неутомимая радиоточка, – дружба – это знамя молодежи». А мой товарищ, служивший в те годы в музыкальной редакции радио, собрал неплохую коллекцию всякой музыкально-поэтической продукции из того разряда, что принято называть «самотеком». В основном – про любовь и дружбу. То есть про любовь к партии и про дружбу между народами. Какие-то особенно удачные места навсегда застревают в памяти. Вот, например, песня. Начало такое:

Франция далекая на земле страна.
Хочет с нами вместе строить мир она.

И припев:

Лучше иметь дружбу всегда,
Чем не иметь ее никогда.

Спорить не приходится. Впрочем, «Франция» – это уже некоторое фрондерство, а вообще-то «дружба народов» распространялась в основном на территорию СССР и на страны народной демократии, куда на защиту пошатнувшейся дружбы иногда приходилось отправлять ограниченные воинские соединения. Но что пожалеешь ради дружбы. Дружба же всего дороже, как было сказано.

Вот еще хорошая история. В середине 70-х годов мой приятель-таллинец, работавший тогда научным сотрудником Эстонской академии наук, поехал по каким-то научным делам в командировку в Киев. Гуляя по городу, он заглянул в книжный магазин, и первое, что он там увидел, было серией разноцветных брошюрок на украинском языке под общим названием «Приказки та прислів'я народів СРСР» (то есть «Пословицы и поговорки народов СССР»).

Книжек было – по числу союзных республик – пятнадцать. Без труда отыскав эстонские «приказки та прислів'я», он купил их за 34 копейки и о покупке не пожалел, ибо весь свой обратный путь смущал своих попутчиков непрерывным радостным ржанием.

Приехав в Таллин и придя в родную академию, он тут же встретил в коридоре своего бывшего однокурсника, а тогда хоть и молодого, но уже признанного специалиста по финно-угорскому фольклору. «О! Хорошо, что я тебя встретил! – вместо приветствия сказал мой приятель своему приятелю. – Предлагаю пари». – «Какое?» – немедленно оживился приятель приятеля. Он славился не только как знаток, но и как азартный спорщик. «Давай спорить, что я знаю как минимум одну эстонскую пословицу, которую ты не знаешь». – «Ну, это вряд ли». – «Тем не менее». – «Давай. На сколько?» – «На десятку». – «А у тебя есть?» – «Есть, есть, не беспокойся». – «Ну ладно». Тогда мой приятель достает из кармана киевскую брошюру, неторопливо открывает ее на первой странице и пускает по кругу, который уже успел собраться вокруг спорящих. Самая первая «приказка» выглядела так (передаю ее в русской транскрипции): «Наш народ туды иде, куды партия веде». Весело было всем, кроме фольклориста, с достоинством, но явно безо всякого удовольствия расставшегося с последним червонцем.

Есть, есть что вспомнить про дружбу. А нынче, в наши суровые прагматичные времена, от Дружбы народов сохранились только лишь шестнадцать золоченых теток, водящих неспешный хоровод под сенью фонтанных струй, да одноименный литературный журнал. Но не станем унывать. Все у нас впереди. Если уж в Кремле завели речь о любви, то и до дружбы рукой подать.

[Запад] Комплексные обиды

Это сейчас у нас «бизнес-ланчи». А в прежние времена примерно то же самое называлось куда более обыденно, но зато и более патриотично – «комплексными обедами», а на жаргоне работников общепита – просто «комплексами». «На комплекс – салат витаминный, рассольник, бефстроганы с гречкой и компот из сухофруктов. Будете кушать?» – глядя куда-то мимо и неумело скрывая профессиональную ненависть к вечно жующему человечеству, тараторила на одной ноте усталая официантка. А в одном заведении, куда я забрел однажды, прямо напротив входа висел огромный плакат с лаконичным самодиагнозом: «У нас комплексы». Я, помню, довольно долго приводил туда разнообразных друзей и знакомых, чтобы и они разделили мою филологическую радость.

Это, впрочем, присказка. Речь вообще-то о том, что многие годы мы жили в как бы перевернутом мире, где «все не как у людей». У людей, знали мы, бананы – это очень дешевая, продающаяся на каждом шагу еда для бездомных, зажигалка стоит дешевле пачки сигарет, в «Макдональдс» может запросто зайти каждый безработный, арбуз и малину можно купить среди зимы, ужин в ресторане и приличная рубашка стоят примерно одинаково, в магазине спокойно лежат двадцать восемь сортов кефира и при всем при этом ни за чем нет очереди. «Ну ладно, так-таки и нет?» – «Ну, нет же, тебе говорят!»

Ну вот, и у нас теперь вроде бы все «как у людей». Так и радоваться бы!

Но нет – вместо вожделенного умиротворения пришла тяжкая депрессия. Еще бы: бананы – дешевка для бомжей, сигареты еще дороже, чем зажигалка, «Макдональдс» – вообще полное говно (суки америкосы мало того, что сами жрут всякую гадость, так и нам еще подсовывают), малину выращивают где-то в Голландии – никакого вкуса, кефир – сплошная химия. Очереди нет, это правда – но так ее, кстати, и раньше не было, ее демократы выдумали.

Любовно лелеемый миф стал рутинной реальностью, а потому в определенном смысле лишил существование смысла, лишил его мечты. «А кто виноват?» – вечнозеленый русский вопрос. Ну как это «кто»? Непонятно, что ли? Запад, конечно, кто же еще.

Стихийное народное западничество последних лет советской власти и первых лет после нее было, если угодно, мейнстримом общественного сознания. У них вот – да. У нас – нет. Они могут. Мы – не очень. Власти очень хорошо уловили нерв общественного настроения и, затеяв те или иные пакости, взяли за правило ссылаться на «мировую практику». Кстати, это по инерции происходит и теперь. Когда же им пытаются робко намекнуть на то, что мировая практика вовсе не исчерпывается репрессивно-запретительными мероприятиями, то тут же выясняется, что нечего нас учить, что у нас свои традиции и что на себя бы лучше посмотрели, у вас у самих проблем хоть завались. Это правда: проблем у Запада много, может быть, не меньше, чем у нас. Разница одна, но очень существенная. Западное общество свои проблемы воспринимает именно как проблемы. В нашем же обществе, где все большее право голоса обретают вечные второгодники, проблемы трактуются как объекты национальной гордости, как признаки самобытности и как этапы особого пути. Когда не очень получается стать нормальными, приходится становиться великими, тем более что это куда проще – как сказали, так и будет. А великим все завидуют, разве не так?

Антизападническая риторика стала в последние годы таким же правилом хорошего тона, каким лет десять тому назад была риторика безоглядно прозападническая. Градус этой риторики по странному совпадению повышается прямо пропорционально росту цен на энергоносители.

Вальжная презрительность по отношению к «пресловутым» западным ценностям и глянецовый – как бы понарошку – изоляционизм стали своеобразной интеллектуальной

модой. Чувствительная к веяниям времени гламурно-офисная публика между двумя глотками кампари-оранжа в ожидании бизнес-ланча цедит сквозь зубы что-то про «тупых америкосов», про нашу отстойную «демшизу» и про то, что «Россия еще всем вставит». С модой глупо спорить – ей можно либо следовать, либо нет. У любой моды есть как минимум одно важное достоинство – она проходит.

А уж о легковозбудимых журналистах, в чьей кристальной неподкупности может усомниться лишь самый неисправимый скептик, или о доблестных генералах, чьи компетентность и всемирная отзывчивость не подлежат обсуждению, даже и говорить неинтересно. Их мотивы прозрачны и недвусмысленны, с ними все понятно. Понятно все и с духовными потомками «слободских и посадских» – с их семечками, гармошками и врожденной злобой по отношению как к «деревенским», так и к «городским», как к «восточным», так и к «западным». Вот и певица Жанна Бичевская, бывшая советская Джоан Баэс, а ныне – золотой голос героического Движения ПНИ, колебля вещие струны своей гитары, несет нам благую весть о том, что «русские плюют на власть америк и европ».

Да и как тут не плюнуть с досады, если Запад так подло нас обманул.

Когда, начиная с конца 80-х годов, наши люди стали выезжать в «америки и европы», они с непривычки поражались и восхищались всем подряд. Но при ближайшем рассмотрении стали замечать что-то неладное. Люди там, оказывается, не летают по воздуху, а ходят, как и мы, по земле. Там, оказывается, существуют человеческие страдания, преступность, чиновничья глупость, врачебные ошибки, терроризм и несчастная любовь. И машины бьются. И поезда сходят с рельсов. Запад не оказался раем. Он оказался всего лишь другим кругом ада. Западу не прощается несовершенство. Это похоже на чувства подростка, увидевшего вдруг героиню своих романтических грез выходящей из уборной.

Запад нагло и цинично нас надул. Поматросил и бросил. А ведь какие слова говорил! Какую гуманитарную помощь дарил!

Нынешние песни «о главном», то есть о маниакальном стремлении зловердного и завистливого Запада во что бы то ни стало замучить «великую державу», ту самую, которая, покряхтывая и потрескивая суставами, встает с колен, слово в слово повторяют те же песни, что с давних советских лет и по сей день свербят в моих ушах. Ничего нового тут не придумаешь, да и зачем: старый конь борозды не портит. Только вместо СССР – Великая Россия. А вместо «советского строя» и «коммунистического мировоззрения» – «славные традиции предков» и прелая, надышанная поколениями «духовность». Помню из тех давних лет какого-то лектора, певшего что-то в таком примерно духе: «Ни сил, ни средств не жалеют зарубежные враги нашего государства на подрыв... Чуждая нам идеология... Борьба идей... Музыка и танцы... Одежда... Разрушительная работа ведется во всех направлениях... Но прежде всего она направлена на молодежь и (внимание! – *Л.Р.*) на мыслящую часть нашей интеллигенции». Здорово сказано – никакого Фрейда не нужно.

Никакого Фрейда не нужно, ибо, какими бы «бизнес-ланчами» нас ни потчевали, сквозь них все равно просвечивают все те же старинные «комплексы». И нет особой нужды напоминать об этих самых комплексах посредством жирного плакатного шрифта – и без того все понятно.

[Идентичность] Ты кто?

В начале 70-х годов в моей тогдашней компании была популярна такая штука – тест не тест, игра не игра. В общем, одному и тому же человеку (новому в компании) трижды задавался один и тот же вопрос: «Ты кто?». Отвечали, понятно, кто как. Кто-то, допустим, первым делом называл свое имя, вторым – профессию, третьим – половую принадлежность. Кто-то – как-то еще. Я вот, помню, три раза подряд назвал свои имя и фамилию, за что был – видимо, справедливо – заподозрен в сугубом эгоцентризме. А также мне запомнился молодой человек, который на вопрос «Ты кто?», трижды без запинки ответил: «Армянин». Меня это, признаться, поразило. Это уже позже я стал замечать все большее и большее число людей, для которых их этническая принадлежность является главным, если не единственным пунктом самоидентификации. То есть не только знаменитым «пятым пунктом», как это сложилось в сознании всех советских граждан, а первым, вторым, пятым, седьмым и семнадцатым.

Но форумах интернет-изданий днем и ночью пасется особая, не слишком многочисленная, но отличающаяся особой крикливостью порода участников, крайне озабоченных национальным вопросом. Одни кричат: «Что же ты, еврей, тут делаешь, если тебе все тут не нравится!» Ехай, типа, в свой Израиль. Другие утешают: «Ну вот, видите, в какой стране и среди каких людей вы живете. Как вы можете здесь жить?» То есть говорят они, в сущности, одно и то же и более или менее на одном языке. А однажды я прочитал такое: «Статья Ваша весьма интересна. Но кажется немного странным Ваше упорное нежелание касаться еврейской темы». Что тут можно ответить? Ответить вопросом на вопрос и спросить, а на каком, собственно, основании я должен касаться именно этой темы? Отчего бы попутно не поинтересоваться, почему я не пишу о ценах на нефть или о военной реформе? Неужели всего лишь потому, что моя фамилия такая, какая есть, а не другая? Странно, ей-богу. Да и неправда – касаюсь я этой темы, вот теперь, например. Но писавший этот комментарий имел в виду явно другое. Он имел в виду, что человек того или иного происхождения не может и не должен писать, говорить, думать ни о чем ином, кроме как о специфических проблемах своего рода-племени. Писал это, видимо, один из тех, кто на вопрос: «Кто ты?» трижды называет свою национальность.

А я кто такой? Ну, то есть в этом самом смысле.

Нет, не стану я отвечать на этот вопрос. Во-первых, потому, что я убежден: всякая этническая принадлежность, как, кстати, и религиозная, – сугубо интимное дело каждого индивида и гражданина. Публичная репрезентация своей этнической принадлежности является безусловным правом каждого, но не является его обязанностью. Точно так же, как женщина может красить губы, а может их и не красить – ее дело. А во-вторых, не стану я говорить об этом вот почему. С точки зрения национально озабоченных лиц любой окраски со мною и так все ясно, а для неозабоченных – этого вопроса не существует вовсе. Так что и отвечать-то особенно некому. Разве что самому себе.

Но если бы я вдруг и решил ответить, то ответил бы примерно так.

Весь опыт жизни в моей стране давно и прочно приучал и приучил меня к тому, что русским я не являюсь. А являюсь я, наоборот, нерусским, каковое обстоятельство никак невозможно объяснить европейцу, а американцу – тем более. «Вот ты говоришь, что ты еврей. Это что значит? Что ты соблюдаешь субботу и ходишь в синагогу?» – «Нет. Не соблюдаю и не хожу». – «А какой язык ты слышал с рождения? На каком языке говорили твои родители?» – «На русском, разумеется». – «Ничего не понимаю». Да, это непонятно. Но я не русский. И я это знаю твердо. И все дворовое детство прошло в бесперывных драках по «национальному вопросу».

Лучше, чем высказалась на эту тему блистательная Лидия Гинзбург, высказаться трудно. Вот что написала она однажды: «Чувство общественного приличия запрещает увиливать от своего происхождения. Нельзя находиться в положении человека, который говорит: „Я русский“, а завтра может стать объектом еврейского погрома». Подписываюсь.

Это, так сказать, негативный опыт. Но зачем же им ограничиваться? А моя любимая бабушка, чьим родным языком был идиш? А бабушкин растрепанный молитвенник? А ее песенки и поговорки? А ее фаршированная рыба? А многочисленные пожилые родственники, по праздникам собиравшиеся в нашем доме и распевавшие за большим столом еврейские песни?

Но иногда я все-таки бываю и русским. Им я становлюсь, пересекая государственную границу моей родины. Лишь за границей я могу уверенно, без оглядок и многозначительных покашливаний, сказать, что да, я русский. А кто же еще? Китаец, что ли?

И есть еще такой аспект этнической идентичности, как стыд. Когда я слышу или читаю какую-нибудь гадость из уст того или иного трижды-еврея про то, что «русский народ – это народ свиней и рабов», мне бывает стыдно как еврею. Когда на стенах и заборах родного города я читаю что-то вроде «азеры – вон из Москвы» или даже внешне нейтральное «русская семья снимет квартиру», мне стыдно как русскому и как москвичу. Я помню, как в Таллине, в компании эстонцев, кто-то из присутствовавших понес что-то довольно-таки гадкое про какие-то там свойства и черты, якобы свойственные русской нации. Я спросил его: «А почему ты говоришь это в моем присутствии?» – «Но ты же не русский», – сказал он простодушно. «Нет уж, – сказал я. – В этом смысле я русский». Он извинился и сменил тему.

Не стану врать, что меня вовсе не волнует и не интересует эта самая тема. Почему же, интересует. Но интересует меня она в аспекте, скажем так, этнографо-фольклористическом. Разве не увлекательны и не поучительны семейные предания, анекдоты, поговорки, песенки. А уж кухня! Кстати, о кухне. Мой знакомый режиссер, татарин, выросший в Ташкенте, говорил, что национальность в его представлении – это запахи из кухни, слышимые в раннем детстве. Можно и так.

Фольклор – это десакрализованный миф. Но беда в том, что для многих, застрявших в стадии архаического родо-племенного сознания, не фольклор, а именно миф лежит в основе всего. А где миф, там и причинно-следственные связи принципиально иные, чем те, что приняты в современном мире. Потому и сакраментальный вопрос «Какого ты роду-племени?» является для них главным и последним вопросом, ответ на который позволяет без затей решить и все прочие вопросы. Различны лишь ракурс и контекст. Ты умен и талантлив, потому что ты еврей. Ты великодушен и широк, потому что ты русский. Ты подл и расчетлив, потому что ты еврей. Ты злобен и туп, потому что ты русский. Такие словосочетания, как, например, «настоящий русский мужик», в зависимости от контекста и интонации могут принимать не только различные, но и прямо противоположные значения.

Но всего этого я говорить не буду. Зачем? Об этом столько всего сказано и написано. Для кого-то, как для меня, например, это более или менее ясно и очевидно. Для кого-то – говори, не говори, он все равно будет стоять на своем. Но если все же вопрос «Ты кто?», будет звучать уж очень настойчиво, то я отвечу так же, как я однажды ответил: я трижды назову свои имя и фамилию. И пусть каждый вычитывает из этого ответа что его душевнее угодно.

[Интеллигенция] Интеллигентные подтяжки

Ведь чуть что – так сразу про интеллигенцию. Интеллигенция – то, интеллигенция – се. То она чего-то все время кому-то должна, то ей кто-то. Никак не утихнут безумные в своей фатальной неразрешимости разговоры о том, кто она, эта самая интеллигенция, – совесть ли нации или ее говно. А также все висит и висит в воздухе проклятый вопрос про «с кем вы, мастера культуры».

А все эти вопросы, сколько раз их ни задавай, все равно вопросами и останутся, ибо ответа не имеют. По крайней мере – ответа односложного и очевидного. А не имеют они ответа потому, что интеллигенция – это вовсе не гомогенная субстанция, склеенная теми или иными общими идеалами, целями, ценностями и жизненными принципами.

Сказанное, разумеется, в полной мере относится и к так называемой «творческой интеллигенции», то есть к совокупности объединенных чисто формальными признаками граждан, профессиональная деятельность которых заключается в писании букв, в рисовании картинок, в вождении смычком по струнам и в умении ловко притворяться на сцене вовсе не тем, кем ты являешься на самом деле.

Вот, допустим, удивляются и негодуют: «Как же он мог! Он же артист! На него же смотрят миллионы. Неужели ему не дорога его репутация?» Почему не дорога? Дорога. Просто референтные группы у всякого свои. Кто-то дорожит своей репутацией в профессиональной среде. Кто-то остро ощущает свою социальную ответственность перед читателем-зрителем-слушателем. А кому-то важно и интересно исключительно то, что о нем думают в Администрации президента или на худой конец в Министерстве культуры.

И это все имеет отношение к репутации и заботе о ней. И в общем-то непонятно, на каком основании одних следует считать интеллигентами, а других – нет.

Интеллигенция как единое понятие – вещь трудно-представимая, а потому до такой степени располагает к мифологизированию.

В Москве около Музея Сахарова стоит престранное сооружение: металлический конь с крыльями вольно или невольно парит над частоколом из неопрятно зазубренных то ли шипов, то ли прутьев. Это, представьте себе, памятник российской интеллигенции. Так там буквально и написано.

Таким образом российская интеллигенция в лице ее славных представителей – деятелей задорного скульптурно-монументалистского цеха – воздвигла памятник самой себе. Причем вполне рукотворный.

Памятники разным абстракциям или – что в данном случае то же самое – собирательным категориям ваять легче в том смысле, что никто не станет гнобить их авторов с точки зрения внешнего сходства или несходства с оригиналом. Но оно же и труднее, ибо надо же все-таки хоть как-то представить себе емкий визуальный образ, скажем, Стабильности или, допустим, Удвоения ВВП.

Или взять ту же интеллигенцию. Как ее вообразить? А изобразить как? Как персонифицировать? Собирательный народный образ интеллигента сводится к чему-то невнятному, но непременно в очках и шляпе. Но тут может получиться, не дай бог, какой-нибудь Берия. Нет, не пойдет. Интеллигенции к лицу страдание, не так ли. Подвергнутый добрососедской порке Васисуалий Лоханкин вполне бы здесь сгодился, хотя ведь он тоже, некоторым образом, фантазия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.